

пунктов РНР. Так, на территории села Фолтешти (область Галац) и в местечке Руптур была обнаружена стоянка усатовского типа. Раскопки в Фолтешти передвинули далеко на запад границу распространения усатовской культуры. Другая экспедиция обследовала в 1950 г. Кристешти (область Тырну-Муреш), где были найдены предметы I—II вв. н. э. В Сфынтул Георге, Брежку и во многих других местах экспедиция, возглавленная археологом Макря, обследовала многочисленные стоянки римских войск.

На Второй конференции археологов была объявлена обширная программа дальнейших раскопок на ближайшие годы, предусматривающая расширение раскопок, начатых в 1949—1950 годах.

Б. Колкер

HISTORIA. Zeitschrift für alte Geschichte, Baden-Baden, 1950—1951, вып. 1—3.

Этот журнал, посвященный вопросам древней истории, начал выходить в 1950 г. в Западной Германии при соавторстве французских, англо-американских и итальянских историков, печатающих в этом журнале статьи на своих языках. Сколь мало «немецким» является журнал *Historia*, свидетельствует то, что из восьми работ, помещенных в разделе «Статьи» всех трех номеров журнала, только четыре опубликованы на немецком языке, три на английском и одна на французском. Издатели этого нового органа по древней истории стремились к изданию именно такого «интернационального журнала», призывая к сотрудничеству ученых «нашего культурного круга». Издатели и редакция уже в предисловии (*Zum Geleit*) показали, что свой журнал они мыслят только как «интернациональный орган, появившийся в Германии». Трудно охарактеризовать этот журнал иначе как космополитический орган в марshallизированной стране, с соответствующими методологическими установками, свидетельствующими о своеобразном «единстве» классовых позиций ученых капиталистического «круга культуры».

Помещенные в вышедших номерах журнала статьи распределены между тремя основными отделами. В разделе статей (*Abhandlungen*) публикуются работы монографического характера; в разделе втором (*Forschungsberichte*) отчеты об исследованиях; в третьем — рецензии. В конце каждого номера журнала даны обзоры периодической печати по древней истории с краткими аннотациями помещенных в них статей (*Zeitschriftenreferate*). Завершаются номера журнала небольшим отделом «Сообщений» (*Nachrichten*) хроникального характера.

Первый номер журнала открывается статьей профессора Колумбийского университета К. фон Фрица «Реорганизация римского правительства в 366 г. до н. э. и так называемые законы Лициния-Секстия». Автор останавливается на данных исторической традиции о восстановлении в Риме консульской магистратуры. Попутно освещены вопросы о введении претуры и курульного эдильства. Критический обзор традиции, переданной Ливием по поводу этих событий римской истории, приводит автора к известному уже в науке выводу о том, что Ливий находился здесь под воздействием данных анналистики эпохи Суллы. Основная мысль автора сводится к тому, что восстановление консулата происходило вовсе не потому, что плебеи были недовольны предыдущей заменой этой высшей магистратуры коллегией военных трибунов с консульской властью. Сама по себе эта замена, по мнению автора, была будто бы вызвана не просками патрициев, а военными потребностями государства (стр. 41), когда сами патриции якобы считали необходимым допустить плебеев к этой должности (стр. 42). И поскольку позже, тоже в интересах улучшения администрации, был восстановлен и консулат как высшая государственная магистратура, то для плебеев стало делом «высочайшей важности» добиться доступа и к этой должности, «если они не желали потерять то, чего они достигли прежде» (стр. 43). Таким образом, автор последовательно в духе своей классовой позиции, весьма ограничительно трактует характер борьбы между патрициями и плебеями в исследуемый им период, сводя эту борьбу к «чисто административным нуждам», которые сами по себе, по его мнению,

определяли перемены в государственном строе Рима. Это, конечно, никоим образом не соответствовало исторической действительности.

Следующая небольшая статья Л. Р. Тейлора посвящена вопросу о датировке и значении дела Веттия, одного из второстепенных участников борьбы Цезаря с сенатом. Веттий донес на Куриона как на участника заговора против Помпея, и был заподозрен в недобросовестности. Он не то покончил самоубийством, не то был устранил Цезарем. Дело Веттия автор, на основании писем Цицерона, относит к середине июля, а не ко времени с августа по октябрь 59 г., как обычно принято. Автор считает, что Веттий, будучи агентом Цезаря, помог последнему войти в связь с Курионом, после чего тот стал *political Lieutenant* (стр. 51) Цезаря. Автор отказывается, таким образом, признать за Курионом какую бы то ни было самостоятельную политическую линию.

В последней статье первого номера, озаглавленной «Христианская историческая апологетика о кризисе римского государства», И. Штрауб, анализируя произведения ряда христианских писателей (Амвросия, Августина, Иеронима и др.), приходит к выводу, что Августину «удалось освободить христианство от цепей римской имперской идеологии» и что таким образом он открыл христианской церкви путь, «который ее привел... в новый мир германских государств и Средневековья» (стр. 71). По мнению И. Штрауба, такая связь между христианством и германцами не была ясна самому Августину. Несмотря на это, И. Штрауб считает возможным рассматривать всю проблему именно под этим, весьма спорным и неоправданным углом зрения, так сказать, «германизации» христианской идеологии. При этом он, очевидно, впадает в другую, по сравнению с предшествующей антихристианской точкой зрения, крайность.

Во втором номере журнала диапазон вопросов, охваченных головным отделом, несколько шире, чем в первом. Здесь помещены статьи: Ф. Матца «К эгейской хронологии ранней бронзы»; Г. Э. Штира «Проблемы раннегреческой истории и культуры»; Г. Клаффенбаха «Год капитуляции Итомы и поселения мессени в Навпакте»; Г. Т. Грэффа «Союз Коринфа и Аргоса (392—396 до н. э.)»; В. Сестона «Иовий и Геркулий, или „Эпифания“ тетрархов».

Автор первой из перечисленных статей, анализируя и сопоставляя ряд археологических данных, дает синхронную таблицу по Египту, Криту, Трою, Кикладам и собственно Греции в III—II тысячелетиях до н. э. Для этой цели он останавливается на датировке отдельных археологических слоев по указанным выше очагам восточных культур. Стратиграфия находок, распространение их, совпадение сходных слоев дает автору возможность более или менее точных датировок.

Далеко не простым хронологическим продолжением статьи Матца является работа Штира о ранней греческой истории и культуре. Статья написана с откровенно идеалистических позиций. Основные свои взгляды автор определяет уже в самом начале своей статьи. Он указывает, например, на закономерность такой «необщепринятой» периодизации истории: «время, в котором мы живем, появилось не с переворота от XVIII к XIX вв., а именно с выступления просветителей»; выступления Руссо, Винкельмана, Лютера, победа Ренессанса, подъем готики — таковы, по мнению автора, рубежи исторических периодов. Такой гранью для периодизации, например, истории Рима, автор готов считать деятельность Цицерона (стр. 196). Словом, Штира больше привлекает своего рода «культуроведческий» принцип периодизации. И только то обстоятельство, что датировка по крупным историческим событиям общепринята, заставляет автора придерживаться ее. Оставаясь верным себе, в заключении статьи Штир все же заявляет: «Как бы парадоксально это ни звучало для некоторых людей, в действительности не состояние (Stand) создает культуру, а культура создает состояние. Дух строит тело, а не наоборот» (стр. 230).

В духе своих откровенных позиций Штир излагает и конкретный материал своей статьи. Дав краткую историческую справку о различных точках зрения на характер раннегреческой истории (по немецким работам), автор уделяет основное внимание вопросам связи раннегреческой истории и культуры с восточным миром. Его особенно привлекают XII—VIII вв. до н. э. Автор отмечает, что именно в это время как раз и происходит процесс борьбы между восточными и чисто греческими элементами. Его

особо интересует собственно архаический период (стр. 207 сл.), главным образом с точки зрения разбора проблемы «Восток и эллинизм». Проанализировав соответствующий археологический и литературный материал, автор приходит к выводу о том, что прав был Э. Мейер, который предостерегал от переоценки влияния Востока на греческий мир. Штир при этом оговаривается, правда, что здесь не должно и недооценивать такое влияние, но эта оговорка не мешает ему все же утверждать, что характерным для самой классики, для демократического греческого государства, для его философии и искусства и т. п. является то, что становится «триумфом свободы... и не может быть выведено с Востока, а, напротив, является преодолением его и находится с самого начала своего возникновения в открытой и тайной борьбе с радикальным ориентализмом архаического мира» (стр. 227). Важно, по мнению автора, не «в чем», а «как» проявилось то новое, что эллинизм принесло человечеству (стр. 227). Этот путь к высотам новой культуры Штир видит в индогерманской сущности эллинизма (стр. 209 сл.). Любопытно и примечание к этому тезису. Полемизируя с английским историком Уолбенком, обвинявшим Штира в «нескромности» его индогерманских позиций в связи с рядом положений подобного рода в старых работах последнего, Штир, стремясь отмежеваться от упреков в расизме, бросает встречное обвинение Уолбенку: «не хочет ли он поставить на одну ступень индогерманцев с гуннами, аварами и татарами... он (Уолбенк. — П. Т.) приписывает мне мистицизм, я, мягко выражаясь, обвиняю его в поверхностности. О, если бы мы оба ошибались!» — заканчивает свою филиппику Штир (стр. 210). На эту тираду Штира можно ответить только в том смысле, что пороки расистских позиций Штира гораздо глубже, чем увлечение только мистицизмом. Стремление сгладить, затушевать острые моменты классовой борьбы в древности, свести определяющие моменты исторического процесса не к социально-экономическим, а либо к культурным и этническим элементам в расистской их трактовке, в одном случае, либо к административно-политической сфере, в других обстоятельствах — вот тот методологический прием, при помощи которого читатели уводятся в сторону от правильного решения вопроса.

Именно в чисто политическом аспекте в следующей статье трактуется проблема союза между Коринфом и Аргосом. С сугубо дипломатической точки зрения автор статьи англичанин Гриффис рассматривает союз Коринфа и Аргоса. Анализ проблемы он начинает с Никеева мира. Опасаясь порабощения Пелопоннеса, олигархия Коринфа решила тогда сблизиться с демократией Аргоса и рядом других греческих полисов, преследуя цель установления равновесия в Пелопоннесе. Не останавливаясь совершенно на противоречиях между Афинами и Спартой, которые, конечно, были известны правительству Коринфа, автор сводит всю проблему к тому, что олигархия Коринфа только после отказа олигархии Тегей присоединиться к этому союзу поняла, что «они оказались в плохой компании с демократами» (стр. 238). Внутренние противоречия в самом Коринфе обойдены автором; поэтому он не смог объяснить, как произошел последующий демократический переворот в Коринфе.

Сам союз теперь уже между двумя крупнейшими демократическими полисами Греции, особенно на фоне обострения социальной борьбы в Элладе, Гриффис старается изобразить как обычную исполитию. Указание Ксенофонта на то, что в 392 г. коринфяне были инкорпорированы в состав гражданства Аргоса («Коринф стал Аргосом»), автор считает только программой, которая стала действительностью лишь на короткое время в 389 г. (стр. 246). «Смягчение» обстановки понадобилось Гриффису для того, чтобы вообще снять возможность революционного решения вопроса. Именно для этой же цели он прибегает к примеру по аналогии, напоминая о предложении Черчилля Франции в 1940 г. войти в состав «Британского содружества наций» (стр. 250). Это, по выражению Гриффиса, было бы, «возможно, бесполезно» вспомнить для правильного понимания, «каким образом коринфяне (и не в меньшей степени аргосцы) могли заключить договор».

Совершенно последовательно со своих позиций Гриффис считает ошибочным подчеркивание в источниках мотивов враждебности демократии к консервативной Спарте, соглашаясь учитывать их лишь наряду с другими факторами. Поэтому-то у него так

немотивированно выглядит и позиция олигархов Коринфа в развернувшихся событиях. Отдавая дань времени, Гриффис называет их «пятой колонной», но всю остроту внутренней борьбы сводит лишь к личному влиянию отдельных лиц. «Было бы абсурдным претендовать на Черчилля в качестве лидера для Коринфа в период кризиса его истории» (стр. 251), — пишет Гриффис, пытаясь объяснить своеобразный характер сополитии между Аргосом и Коринфом в исследуемые им критические годы истории Греции, годы обострения классовой борьбы, когда коринфский демос предпочитал включиться в состав аргосского демоса, чем жить в олигархическом Коринфе (стр. 253). Автор не видит и не желает видеть того, что именно олигархический Коринф и не мог быть независимым. Но зато объединение демократий Коринфа и Аргоса для него «носит все черты успешно проведенного курса империализма Аргоса» (стр. 245). Гриффис поэтому пишет не о классовой солидарности демократии обоих полисов, а о «сильной приманке» (стр. 251), каковой для аргосских «империалистов» будто была смежность территорий двух государств, стремление аргосских «солдат» получить гражданские права в Коринфе и т. п.

Поэтому же столь своеобразно излагает в заключении своей статьи Гриффис и проблему «империализма» в древности, как стремление к завоеванию не столько территорий, сколько гражданских прав завоеванных государств. Для доказательства своего положения автор приводит в пример отношения между Римом и Италией, когда, по его мнению, мощь Рима была создана именно таким объединением гражданства в единое целое, что и «нашли Пирр и Ганнибал» (стр. 256). Как известно, источники говорят иное и о принципах объединения Италии Римом; они были далеко не бескорыстными, равно как и реакция населения Италии в годы Пирровой и Ганнибаловой войн совсем не свидетельствовала о монолитности рабовладельческого Рима.

Именно стремление правящих рабовладельческих кругов Греции и Персии, опасавшихся демократического объединения отдельных полисов по типу союза Коринфа и Аргоса, происки внутренних врагов, а не само по себе отсутствие смелости у демократов обоих этих городов привело к падению союза в 386 г. Так окончилась неудачей эта интересная попытка наметить пути выхода из затяжного экономического и политического кризиса, в который попал греческий мир после Целопоонесской войны.

Последние две статьи этого отдела второго номера журнала — и немецкая Клаффенбаха и французская Сестона — носят чисто информационный характер. В статье Клаффенбаха трактуется одна из спорных дат — год капитуляции Итомы и поселения мессенцев в Навпакте. Спорность этой датировки определяется противоречивостью античной традиции. Автор, просмотрев многочисленную литературу по данному вопросу, видит только одну возможность определить искомую дату — свести разветвленную историческую традицию к единой источниковедческой основе. Руководящим источником он считает данные Фукидида. Несмотря на относительный характер хронологии Фукидида, Клаффенбах, устанавливая связь между отдельными смежными событиями, приходит к выводу, что события 3-й Мессенской войны можно датировать, начиная с 459 г. до н. э. Определив затем начало и конец войны при помощи дополнительных данных по Плутарху, Ксенофону, Диодору и другим источникам, автор приходит к заключительному выводу, что разночтения в источниках объясняются тем, что при переписке труда Фукидида была допущена описка, выразившаяся в указании на десятилетнюю, а не четырехлетнюю длительность войны. По мнению Клаффенбаха, 3-я Мессенская война имела место с 464/63 по 460/59 годы.

Сестон посвятил свою статью исследованию вопроса о характере «имперского праздника» в честь Диоклетиана и Максимиана. Исходя из манускрипта о «деяниях святого Марселя», хранящегося в Мадридской национальной библиотеке, автор приходит к выводу, что праздник, установленный 21 июля 291 г., не был датой воспоминания о рождении императоров, а был установлен в честь дня, когда Диоклетиан и Галерий стали носить имя Юпитера, называясь сынами Ювия, а Максимиан и Констанций соответственно приняли имя сыновей Геркулеса. Попутно автор останавливается на вопросе о том, считались ли императоры официально носителями идеи божества, или же они сами почитались, как боги. На основании речей риториков автор приходит

к выводу, что божественность императоров считалась врожденной, но «проявлялась» она лишь со времени занятия трона. Обожествление предполагало императорскую власть и наоборот.

В третьем номере журнала в головном отделе помещены статьи: Б е р а р а «Заметки о стратиграфии и хронологии Трои новой бронзы», Б а л с д о н а «„Божественность“ Александра» и В и т т и н г о ф а «К вопросу о так называемой варваризации римской армии посредством отрядов „номеров“».

Первая статья — «простые заметки предварительного характера», как об этом пишет сам автор, — посвящена попытке сблизить данные археологии, особенно последних американских раскопок, с традиционной эратосфеновской хронологией. Основное внимание автора привлекают VI и VII слои Трои. Отметив, что VI слой Трои, определенный еще Дерифельдом как начало новой бронзы, временем около 1500 г. до н. э., был затем передатирован Бледженом на 1900 г. до н. э., автор считает возможным существование переходной фазы между концом V и началом собственно VI слоя. Слой VII подразделяется по стратиграфии находок на А и В при возможности еще более дробного деления слоя В на В₁ и В₂. Автор указывает на появление в слое В₂ памятников носителей новой культуры, смешавшихся, судя по остаткам керамики, со старым населением. Это было время перехода от бронзы к железу — конец XIII и начало XII вв. до н. э. — время традиционной даты Троянской войны. В статье указывается на идентичность новой культуры с культурой древних жителей Македонии.

Вторая статья этого отдела третьего номера посвящена исследованию вопроса о том, была ли идея собственной божественности внушена Александру чтением соответствующих мест из произведений Исократы или уроками Аристотеля; какой характер имела попытка Александра ввести обожествление своей личности среди греков и македонян при его дворе в Бактре и, наконец, насколько достоверно то, что в 324 г. он сам послал из Суз в Грецию инструкции отдавать ему божеские почести. На основании привлеченного им материала автор приходит к отрицательному ответу на первый вопрос: у Исократы и Аристотеля Александр не мог ни вычитать, ни услышать ничего, что давало бы ему основание требовать своего обожествления. Было бы «опротечивым считать, чтобы его поспрыгали воспоминания периода учебы у Аристотеля» (стр. 370), заключает автор. Не останавливаясь на казусе с оракулом Аммона, соглашаясь по этому вопросу с Тарном и Вилькеном, автор зато подробно разбирает данные Курция, Плутарха и Арриана о требовании «проскинезы» в Бактре и приходит к выводу, что сообщения о требовании преклонения со стороны Александра далеки от истины и значительно преувеличены в историографии вопроса. Требование обожествления и в самой Греции могло быть результатом воздействия окружения Александра, стремившегося «втереться в милость» к победителю (стр. 388).

Виттинггоф, привлекая большой источниковедческий материал о роли отрядов номер в оборонительной системе римлян, указывает, что эти отряды составлялись из представителей отдельных народностей и включались в качестве органической части в римское войско на тех же основаниях, что и другие вспомогательные части. Автор считает, что пока имелся офицерский состав, члены которого и «по полжению» были римлянами, определяя тем самым «дух солдат», номер не были проводниками варваризации римской армии. Самую проблему «варваризации» автор, таким образом, сводит не к роли масс, а к ведущему значению офицерского состава, в частности преторианцев.

Следует сказать несколько слов и о материалах второго отдела журнала. В первом номере помещена статья П и г а н ъ о л я, представляющая аннотированную сводку статей, опубликованных в 1930—1949 гг. о Константине, этом «первом христианском императоре». Здесь же опубликована выдержка из обзорного сообщения А. М о н г а й т а о раскопках в СССР в 1947 г.; второй отдел в первом номере завершается публикацией найденной надписи о Германике с комментариями к ней.

Во втором номере журнала в этом отделе опубликована статья Б и т т е л я о хеттах и протохеттах. Указав по лингвистическим данным на северное «индогерманское» происхождение хеттов, автор пытается установить пути их вторжения в Малую Азию, попутно отметив, что протохетты, судя по их языку, не были ни индогерманцами, ни

семитами, т. е. не были и собственно хеттами (стр. 268). Что же касается происхождения самих хеттов и путей вторжения их в Малую Азию, то Биттель, отмечая, что большинство ученых склоняется к мысли о пути их с запада на восток, все же вынужден оставить вопрос открытым (стр. 270), несмотря на все его желание присоединиться к теории о «западном» пути их вторжения в качестве доказательства их индогерманского происхождения. Основное содержание статьи сводится к описанию и анализу материала раскопок в местах первоначального и последующего расселения хеттов в Малой Азии.

В третьем номере журнала в этом отделе опубликованы статьи Ч и л ь в е р а «Август и римская конституция, 1939—1950» и С а р и я «Норик и Паннония». Несколько странное название первой из этих статей объясняется тем, что она является сводкой мнений и выводов на данную тему, выявившихся в зарубежной историографии в годы, указанные в заголовке статьи. Автор, останавливаясь на характере событий 32—27 гг., специально разбирает постановку проблемы об *auctoritas* Августа и содержание его *imperium*'а после 28/7 гг., заканчивая свое исследование трактовкой принадлежавшей Августу *tribunicia potestas*. Как правильно заметил еще Н. А. Машкин в своей увенчанной Сталинской премией работе «Принципат Августа», громадная литература, посвященная данной проблеме за рубежом, касается главным образом юридической стороны ее, оставляя в тени социальную сущность принципата (стр. 350, 372 и др.). Этот вывод остается в силе и при ознакомлении с данными статьи Чильвера, обзор которой включает ряд книг, уже подвергнутых исчерпывающей критике в книге Н. А. Машкина.

Последняя статья второго раздела третьего номера журнала представляет собой большой, сопровождаемый историографическими экскурсами, обзор истории названных провинций в римское время. Вопросы состава населения, романизации его, границы этих провинций, управление ими, культурная жизнь, религиозные верования и др., освещаемые при помощи литературных, эпиграфических и археологических данных, составляют основное содержание этого обзора, фактическим материалом которого должны заинтересоваться исследователи истории Норика и Паннонии.

В довольно обширных отделах рецензий во всех трех номерах журнала советский читатель найдет разбор известных ему книг Ростовцева, Сайма, Тейлор, получивших уже соответствующую оценку в нашей печати. Такой оценки еще ждет книга Парета «Новое изображение предистории» с целью определения, насколько автору ее удалось преодолеть засилье расистских и пангерманистских «теорий» в этой области научного исследования, книга Корте о Катоне Цензоре, книга Гельцера о Помпее и книга Пиганьоля о христианской империи (325—395 гг.). Для деградации буржуазной науки характерна помещенная в третьем номере рецензия на книгу Шмиттлейна «Обстоятельства и причина смерти Христа», в которой с самым серьезным видом разбираются всякого рода предположения о шоке, коллапсе и о «клинической картине» этой смерти на основании евангельских текстов.]

Проф. П. Н. Тарков

ВОЙНЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА ЭПОХИ НОВОГО ЦАРСТВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Задача историков-марксистов заключается не только в том, чтобы на основе единственного подлинно научного метода диалектического и исторического материализма, сочетающегося с тщательным изучением источников и критическим использованием трудов буржуазных ученых, восстановить прошлое человечества и определить законы его развития. Они обязаны также разоблачать всевозможные теории старых и новых фальсификаторов науки, вскрывать их реакционную сущность, показывать их тенденциозность в подборе и изложении фактов, в их выводах и обобщениях.